

Сборник «Южнославянские дискурсивные частицы» представляет собой собрание статей, каждая из которых рассматривает избранные дискурсивные маркеры в одном из южнославянских языков. Таким образом, книга преследует сразу две цели: узкую – описание и интерпретацию некоторых единиц особого класса слов, и более общую – выработка теоретического подхода к этим словам. Сборник состоит из теоретического введения, написанного М. Дедаич (Университет Джорджтауна, США) и М. Мишковиц-Лукович (Университет города Крагуевац, Сербия), и шести глав, каждая из которых посвящена одному из южнославянских языков. Главы следуют по географическому принципу – от болгарского на востоке до словенского на западе.

Введение в целом посвящено второй, т. е. более общей, цели и делится на несколько частей: обзор терминологии, история вопроса, очерк «теории релевантности» и описание социолингвистической ситуации в южнославянских странах. Оно может служить очень хорошим введением в проблематику. В настоящее время нет согласия в том, как следует называть «маленькие слова», которые связывают разные элементы дискурса: вариативна каждая из двух частей термина «discourse particles» ‘дискурсивные частицы’, на котором остановились авторы сборника. В частности, делая попытку обосновать свой выбор, авторы описывают противопоставление дискурсивный / прагматический, а также ряд терминов «частица / маркер / коннектор / ограничитель» (particle / marker / connective / constraint). Впрочем, понятно, что ставить точку в дискуссии о терминологии пока еще рано¹. В настоящей рецензии используется термин «дискурсивный маркер», чтобы избежать проблемы амбивалентности значения английского слова *particle* (русс. ‘частицы / частицы’)².

Достижение более узкой цели – описание дискурсивных маркеров в южнославянских языках – также связано со значительными проблемами. В частности, до сих пор не до конца

ясен статус так называемых новых южнославянских литературных языков, возникших на основе сербскохорватского, прежде всего сербского, хорватского и боснийского. Поэтому решение, принятое авторами сборника, можно назвать сомоновым: каждый из южнославянских языков, имеющий статус государственного, описывается носителем соответствующего идиома в качестве отдельной самостоятельной системы³. По крайней мере для дискурсивных маркеров, название которых эксплицитно указывает на связь с живой звучащей речью, такой подход можно признать оптимальным⁴.

Мнения авторов сборника по вопросу о том, какое из существующих направлений в лингвистике позволит добиться наиболее адекватных результатов, разделились между двумя: «теорией релевантности» Д. Спербера и Д. Уилсона [Sperber, Wilson 1986] и «теорией аргументации и топосов» Ж.-К. Анскомбра и О. Дюкро [Anscombre, Ducrot 1983] и др. работы. Таким образом, каждая из глав, помимо описания языкового материала, представляет собой и этюд, показывающий особенности практического приложения одной из этих теорий.

Г. Филдер начинает главу, посвященную болгарскому маркеру *ама* ‘а, но, однако’ с хорошо известной исследователям «маленьких слов» проблемы: несоответствий в словарных описаниях, когда авторы словарей относят одно и то же слово к разным частям речи в зависимости от его функций в структуре текста. Аппарат теории релевантности используется для того, чтобы показать, что по крайней мере для болгарского *ама* можно выделить некоторое общее значение. Для этого решается несколько задач: выделяются и перечисляются функции *ама* (в том числе и в зависимости от позиции, которую он занимает в предложении), затем этот маркер сравнивается с близким по значе-

³ За исключением главы, посвященной болгарскому языку, написанной Г. Филдер, которая не является его носителем. Отсутствие в книге главы, посвященной черногорскому материалу, объясняется тем, что составителям не удалось найти автора, который смог бы его собрать и обработать.

⁴ В то же время, следует предостеречь от экстраполяции этого метода на другие объекты лингвистического исследования, поскольку он может привести к чрезмерному упрощению сложной социолингвистической ситуации на Балканах.

¹ Даже внутри сборника, в главе, посвященной боснийскому маркеру *оно*, А. Премиловац использует как термин «дискурсивная частица» (*discourse particle*), так и термин «прагматический маркер» (*pragmatic marker*), не обсуждая возможных различий между ними.

² Об этой терминологической проблеме см. [Николаева 2008].

нию *но*, после чего рассматривается влияние разных (стилевых) регистров на его употребление. В качестве материала выбраны корпус болгарского разговорного языка К. Алексовой и популярный в американской лингвистической болгаристике роман А. Константинова «Бай Ганю».

В главе о македонском маркере *камо* А. Севиньи привлекает материал малоизвестного македонского идиома – языка македонских переселенцев из Египта в Канаду (восходящего к тетовскому македонскому диалекту). Конструкции с *камо* имеют интересную структуру: в то время, как употребление глагола-связки (*j)e* ‘быть_{3sg}’ в экспрессивно нейтральных предложениях обязательно, в конструкциях с *камо* связка опускается (кроме третьего лица множественного числа: *Камо са студентити?* ‘Ну и где же студенты?’). В то же время в вопросах с определенным референтом (который используется с артиклем) обязательным является использование краткого местоимения винительного падежа *го/ја* (*Камо ја мачката?* ‘Ну и где же кошка?’).

А. Севиньи предлагает когнитивный сценарий употребления *камо*, на основании которого это слово можно определить как маркер, указывающий на недостоверность информации, которая получена путем логического вывода (inference) из слов собеседника (*Камо го кучето?* ‘Ну и где же собака?’ = ‘Собеседник сказал, что здесь находится собака, но ее здесь нет. Следовательно, эта информация недостоверна’). Как кажется, это слово могло бы представлять интерес для исследователей семантических зон эвиденциальности, эпистемической модальности и авторской позиции (stance), которые кодируются неграмматическими средствами (здесь можно вспомнить активизировавшиеся в последнее время исследования по лексическому маркированию эвиденциальности, см., в частности, сборник [Wiemer, Plungian 2008])⁵.

М. Мишкович-Лукович рассматривает два сербских дискурсивных маркера: *baš* и *kao*, которые имеют сходные функции: оба используются как семантические ограничители (semantic constraints) для составляющих, находящихся в их сфере действия. Однако если *baš* ‘именно, как раз; действительно, в самом деле’ имеет значение прагматического сходства (pragmatic resemblance; в некоторых контекстах и прагматического усиления), то *kao* ‘словно, как будто’ расширяет границы потенциальных

значений составляющих. Для объяснения семантики этих маркеров М. Мишкович-Лукович опирается на работы Р. Карстона (в частности [Carston 2002]), который считал, что предложения естественных языков кодируют не пропозиции, а шаблоны (templates). На основании этих шаблонов слушающий затем формулирует ментальную репрезентацию на своем «языке мысли» (language of thought), которая и будет иметь пропозицию. Маркеры наподобие сербских *baš* и *kao* указывают на соотношение ментальной репрезентации с шаблоном – в первом случае более строгое, во втором – более свободное. С этим связано и использование *kao* как эвиденциального (репортативного) маркера.

А. Премиловац анализирует употребление и семантику боснийского дискурсивного маркера *ono* ‘то’ в высказываниях типа *Jučer sam ono spavao do podne* ‘Вчера я *ono* спал до полудня’ с позиций теории релевантности. На первый взгляд это слово может показаться словом-паразитом (ср. употребление русского *это самое* в высказываниях типа *Вчера я спал, это самое, до полудня*), однако в боснийском, с точки зрения А. Премиловац, оно указывает на более свободное соотношение ментальной репрезентации с шаблоном (как и сербское *kao*) и по семантике близко к английскому дискурсивному маркеру *like* ‘так сказать, как бы’. К сожалению, в исследовании не решается вопрос о том, насколько *kao* и *ono* соотносятся в боснийском, и используется ли *ono* в таком же значении в сербском⁶, а также, как интерпретировать конструкции типа *baš ono*. Совершенно верно указывается, что это только один из аспектов более широкой проблемы: как соотносятся в сербском, хорватском и боснийском языках совпадающие по форме маркеры (*baš*, *dakle*, *kao*, *ono*). В свою очередь, отметим, что на самом деле эта проблема еще шире, поскольку аналогичные проблемы возникают при анализе лексических эвиденциальных маркеров, совпадающих по форме в разных балканских языках [Makartsev 2010]. Остается надеяться, что через какое-то время будет выработан интегральный подход к этой проблеме.

Исследование М. Дедаич, посвященное хорватскому дискурсивному маркеру *dakle* ‘итак, следовательно, таким образом, значит’, дает дополнительный материал для размышле-

⁵ Остается открытым вопрос, насколько близко употребление конструкций с *камо* в рассматриваемом идиоме, в тетовском диалекте и в македонском литературном языке.

⁶ Что касается хорватского языка, то в хорватско-русском словаре [Dautović 2007] *ono* представлено в нескольких словарных статьях, из которых релевантна с точки зрения *ono* как дискурсивного маркера одна: «1. это; što sam ~ htio kazati? что это я хотел сказать?; gdje sam ~ ga vidio? где я это < sic > его видел? <... 2. (doduše) правда, по правде (сказать)> ».

ний о связи между исследованиями отдельных языков и типологической лингвистикой. В типологии лексических маркеров, используемых для передачи значений, традиционно относимых к области грамматики, пока достигнуты не такие впечатляющие результаты, как в типологии грамматической, и до сих пор большая часть исследований посвящена английскому материалу. В какой мере полученные на этом материале результаты приложимы к другим языкам? Для ответа на этот вопрос М. Дедаич анализирует материал Хорватского национального корпуса. *Dakle* является коннектором, соединяющим два последовательных фрагмента дискурса, второй из которых переформулирует, суммирует и подводит к заключению то, о чем говорится в первом. В этом его использование во многом совпадает с английским *so*. При анализе функций *dakle* автор последовательно обращается к работам, посвященным похожим маркерам в других языках (английскому *so*, французским *alors* и *donc*, японскому *dakara*), что близко подводит к проблеме лексической типологии, однако не является ею в строгом смысле. Хотя утвердительный ответ на поставленный вопрос, безусловно, получен: результаты, достигнутые в настоящее время в исследованиях лексических маркеров на материале некоторых языков, приложимы и к другим языкам.

И. Жагар в главе о словенском *pa* 'и, но' поднимает другую важную проблему: как дискурсивные маркеры могут модифицировать друг друга (в частности, какую роль *pa* играет в семантике сложных соединителей *ker pa* 'но поскольку' и *sicer pa* 'во всяком случае'). Как и в других главах, исходным пунктом исследования является обращение к существующей лексикографической практике (многие современные исследования по лексическим маркерам являются настолько новаторскими, что для них библиография предшествующих работ состоит только из словарей). Однако, хотя в Словаре словенского литературного языка выделяется 29 различных случаев употребления *pa*, все они относятся к *pa* как пропозиционному / грамматическому оператору. В то же время, корпус современного словенского языка содержит в себе не описанные в словарях употребления, на основании которых это слово можно описать как усилитель значения и модификатор ожиданий, связанных с дальнейшим развитием нарративной структуры. Для интерпретации семантики *pa* привлекается аппарат теории топосов и аргументации О. Дюкро. Оказывается, что *pa* непосредственно связано со «вторым планом» дискурса и используется для того, чтобы отойти от основной линии дискурса и дать дополнительную информацию. И. Жагар

считает, что таким образом *pa* раскрывает полифоническую структуру⁷ данного фрагмента дискурса. В конце главы предлагается когнитивный сценарий *pa*.

С точки зрения описанного материала рецензируемая книга, безусловно, представляет собой новое слово в южнославянской лексикографии. При том, что это сборник, главы которого написаны разными авторами, он читается как единое исследование. Даже то, что авторы используют разные теоретические подходы к языковым фактам, не создает диссонанса, потому что главное, что представлено в книге – это языковой материал. Теоретические искания авторов отражают общее состояние исследований по дискурсивным маркерам: эта новая и, безусловно, важная для лингвистики тема пока еще только начинает входить в научный оборот. Сборник решает поставленные задачи в «минималистской» манере (из каждого языка берется один, максимум два маркера). Мы надеемся, что это открывает дорогу к созданию масштабной панорамы дискурсивных маркеров в южнославянских / балканских языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Николаева 2008 – Т.М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
 Anscombre, Ducrot 1983 – J.-C. Anscombre, O. Ducrot. L'Argumentation dans la langue. Bruxelles, 1983.
 Carston 2002 – R. Carston. Thoughts and utterances: The pragmatics of explicit communication. Oxford, 2002.
 Dautović 2007 – M. Dautović. Hrvatsko-ruski priručni rječnik. Zagreb, 2007.
 Ducrot et al. 1980 – O. Ducrot, D. Bourcier, S. Bryxelles, Ch. Sirdar-Iskandar. Les mots du discourse. Paris, 1980.
 Makartsev 2010 – M. Makartsev. The common Balkan lexical evidential markers // Societas Linguistica Europæana. 43rd Annual Meeting. 25 September 2010. Book of Abstracts. Vilnius, 2010. (Доступно на http://marivs.com/pdf/abstracts_lz.pdf, проверено 13 октября 2010).

⁷ Термин «полифоническая структура» был впервые приложен к дискурсу в работах О. Дюкро [Ducrot et al. 1980], в свою очередь будучи заимствован из работ М.М. Бахтина. При анализе дискурса как полифонической структуры такие традиционно единые понятия, как говорящий (*speaker*), рассматриваются как комплексные.

Wiemer, Plungian 2008 – *B. Wiemer, V.A. Plungian* (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. (Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 72). München; Wien, 2008.

Sperber, Wilson 1986 – *D. Sperber, D. Wilson*. Relevance: communication and

cognition. Oxford (UK); Cambridge (MA), 1986.

М.М. Макарец

Сведения об авторе:

Максим Максимович Макарец
Институт славяноведения РАН
makarcev@bk.ru